

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11482

EDN: SCQLOC

Танатологический дискурс в творчестве Ивана Бунина

В. А. Мескин

*Российский университет дружбы народов
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: vameskin@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы мемуарные записи И. А. Бунина и близко знавших его современников, в которых выражено отношение писателя к смерти. О конечности человеческой жизни Бунин часто размышлял в литературных записках, набросках, дневниках, в разговорах с близкими, друзьями, признавался, что о смерти «думает постоянно» и что «боится ее». Тема смерти является центральной во многих его прозаических и поэтических произведениях. В книге «Жизнь Арсеньева», во многом автобиографической, автор-повествователь признается, что осознание смерти заставило его впервые задуматься о Боге, о философских вопросах бытия. Страх смерти у Бунина имел характер фобии, отразившейся в творчестве. Идея конечности бытия лежит не только на мировосприятии и чувствах отдельных бунинских героев, но и на судьбах целых сословий. Именно поэтому для бунинской образной системы характерен ностальгический, элегический окрас, цвет «матового серебра» (по определению М. Горького). Прозаик и поэт бунтует против неизбежности конца так, как бунтуют дети («не поддамся») и творцы, выставляющие свою деятельность линией защиты в борьбе со временем («Теперь ты мысль. Ты вечен»). Специфическое танатологическое мироощущение обостряло его внимание к буддизму, учению о реинкарнации. «Закон красоты» у Бунина зиждется на эсхатологическом мировосприятии, отсюда — исключение будущего из координат творчества, христианская трактовка всего, что связано с природой, вечностью, идеалом.

Ключевые слова: Иван Бунин, тема смерти, танатологическое мировосприятие, мемуары, творчество, религиозность, история, эволюция, психологизм, христианство, эстетика, поэтика

Для цитирования: Мескин В. А. Танатологический дискурс в творчестве Ивана Бунина // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 4. С. 205–223. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11482. EDN: SCQLOC

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11482

EDN: SCQLOC

Thanatological Discourse in Ivan Bunin's Works

Vladimir A. Meskin

*Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: vameskin@yandex.ru

Abstract. The article analyses the memoir notes of Ivan Bunin and his contemporaries, who knew him closely, which express his attitude to death. Bunin's notes, drafts and diaries are full of his reflections on the subject of finiteness of human life. In conversations with relatives and friends he confessed that he "is obsessed with the death" and that he "is afraid of it." The theme of death is the key issue in many of Ivan Bunin's prosaic and poetic works. In the book "The Life of Arsenyev," which can be considered the writer's autobiography, he mentions the fact that the acceptance of death has made him think about the existence of God and the existential dilemma for the first time. Bunin's fear of death was a kind of a phobia reflected in all his works. The idea of the finiteness of existence is based not only on the perception and feelings of some of Bunin's characters, but also on the fate of entire social classes. This is why Bunin's imagery is characterized by a nostalgic, elegiac tone, the "matte silver" colour (according to M. Gorky). The writer rebels against the inevitability of death the way children do ("I will not give in") and the way writers do by using their works as a line of defense in the struggle over time ("Now you are a thought. You are eternal"). A specific thanatological perception of the world sharpened his attention to Buddhism and to the doctrine of reincarnation. The "law of beauty" for Bunin is based on an eschatological view. That is why he doesn't write about the future and interprets everything related to the ideal, nature and eternity in a Christian way.

Keywords: Ivan Bunin, theme of death, thanatological worldview, memoirs, creativity, religiosity, history, evolution, psychologism, Christianity, aesthetics, poetics

For citation: Meskin V. A. Thanatological Discourse in Ivan Bunin's Works. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 205–223. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11482. EDN: SCQLOC (In Russ.)

«Так сладок сердцу Божий мир...»
«Нет в мире разных душ и времени в нем нет!»
И. Бунин

Чрезвычайное внимание Бунина к теме смерти лежит, что называется, на поверхности его творчества. Обращение к ней можно мотивировать частыми «уходами» бунинских персонажей — естественными, насильственными, суицидальными. Но не это главное. Подобных драм-трагедий немало и у других известных писателей-современников Бунина, скажем, у Ф. Сологуба, «смертяшкина», по язвительному определению М. Горького, у самого Горького, однако тема смерти в их творчестве не вызывает глубокого интереса исследователей. В одном случае смерть — это «мост» к должной жизни, в другом — просто конец жизни. Большое внимание уделял этой теме современник Бунина Л. Андреев, который смотрел на смерть как на черту, пугающую, но естественную, и бунтовал против всего того, что приводит к этой черте «до срока». Понимание конечности времени у него предписывает «наслаждаться каждым мгновением земной жизни» [Михеичева: 76]. У Бунина иначе: смерть у него феномен именно онтологический.

Мотив конечности, бренности всего сущего в разных вариантах присутствует во всех произведениях Бунина, даже в тех, где никто из героев не умирает, где вообще нет упоминаний о смерти. Все проходит: красота увядает, чувства притупляются, шиповник отцветает, аллеи зарастают, фамилии деградируют, империи распадаются, пирамиды рассыпаются, религиозность ослабевает, все обречено — вот художественный код Бунина. Код этот не связан с вниманием к теме смерти классиков-предшественников, по крайней мере не в первую очередь, и совершенно не выходит к распространенной в начале века ее модернистской эстетизации. Он связан со специфической ментальностью Бунина.

Мемуары Бунина и о Бунине свидетельствуют, что с мыслью о быстротечности жизни он и в младости, и в старости засыпал и просыпался. Думать о неизбежности ухода, даже бояться смерти — естественно для человека, эта неизбежность («...всех ищет грозная... и некогда найдет» — В. Жуковский) всех принуждает к смирению. Бунин — в ряду исключений.

Он бунтует, причем подчас так, как могут бунтовать только дети и поэты:

«А смерть ненавижу — ни за что ей не дамся — не посмеет меня взять — подавится мной!»¹.

Бунтует в страхе:

«Боюсь я ее — ох, как боюсь...»². «Я весь век под страшным знаком смерти, я несказанно боюсь ее» [Иван Бунин, кн. 1: 384]. «Я именно из тех, которые, видя колыбель, не могут не вспомнить о могиле...» [Бунин, Бунина, т. 1: 83]. «Люди совсем не одинаково чувствительны к смерти. Есть люди, что весь век живут под ее знаком, с младенчества имеют обостренное чувство смерти... Вот к подобным людям принадлежу и я...»³.

Записей такого содержания у него и у его близких десятки. Существенно то, что эти сполохи бунта возникали у писателя спонтанно, вне связи с контекстом, в размышлениях-разговорах о поэзии, об архитектуре, о погоде и т. д. Видения смерти преследовали его во снах.

У большинства поэтов есть элегические строфы о том времени, когда они, их лирические герои, как скажет младшая современница Бунина, уже «исчезнут с поверхности земли» (М. Цветаева). Или другая: «Здесь все меня переживет...» (А. Ахматова). У Бунина таких строф особенно много, и все они чрезвычайно трагичны, как, например, в стихотворении «Настанет день, исчезну я» (1916):

«Настанет день — исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой...» (Бунин, т. 1: 336).

Или финальная строфа стихотворения «Сириус» (1922):

«Пылай, играй стоцветной силою,
Неугасимая звезда,

¹ Муравьева-Логинова Т. Д. Живое прошлое. Воспоминания об И. А. и В. Н. Буниных // [Иван Бунин, кн. 2: 301].

² Там же. С. 302.

³ Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 5. С. 23. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Бунин* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

Над дальнею моей могилою,
Забытой Богом навсегда!»⁴.

На всю жизнь Бунин смотрел сквозь призму смерти. Это явление в его поэзии объективируется, пишется с большой буквы, как, например, в стихотворении, названном по первой строчке «Когда на темный город сходит...» (1895):

«И на пустынном, на великом
Погосте жизни мировой
Кружится Смерть в веселье диком
И развевает саван свой!» (Бунин, т. 1: 65).

Слово «смерть», а также производные от него — частотные в бунинских текстах, и все его картинные зарисовки окрашены в ностальгические тона. Феномен смерти лежал в основе художественного мышления писателя.

Бунин осознавал болезненность своего психологического состояния. В июле 1931 г. Вера Николаевна внесла в личный дневник признание мужа: «У меня душевная болезнь. Вечно думаю о смерти» [Бунин, Бунина, т. 2: 203]. По ее дневнику разбросано: «Говорили с Яном о смерти...», «Ян неустанно думает о смерти...», «Ему бесконечно тяжело жить...» [Бунин, Бунина, т. 2: 89, 178, 370] и т. п. Симптомы «душевной болезни» замечали окружающие. В. Набоков писал: «Его болезненно занимали текучесть времени, старость, смерть...» (цит. по: [Шраер: 99]). О том, что Бунин постоянно жил в состоянии «арзамасского ужаса», можно прочесть у Г. Кузнецовой, И. Одоевцевой, А. Бахраха (см.: [Бахрах], [Кузнецова], [Одоевцева]), у лечившего писателя врача В. Зернова⁵, у других авторов его круга. Не будет преувеличением сказать, что страх смерти у Бунина имел характер фобии, отразившейся в творчестве. У Бунина, по замечанию Ю. Мальцева, «смерть остается за кулисами, но <...> на всем лежит ее отсвет» [Мальцев: 342]. Не очень-то «за кулисами», но отсвет смерти действительно лежит у него «на всем». Это

⁴ Некоторые произведения прозы и поэзии цитируются по прижизненному собранию сочинений И. А. Бунина с указанием страницы (если есть) в круглых скобках: Электронное научное издание. Петрозаводский государственный университет. И. А. Бунин [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrso.ru/bunin/arts/arts.htm> (15.05.2022).

⁵ Зернов В. Воспоминания врача // [Иван Бунин, кн. 2: 362].

вопрос психологии творчества. Нужно признать, что этой фобией, танатологическим мироощущением, ностальгией обусловлен минорный тон бунинской образности.

Неприятие смерти в человеке прямо пропорционально его приятию жизни — это аксиома. Бунин, писатель и поэт, испытывал неистовую любовь к жизни. О его «повышенном чувстве жизни», «борьбе с конечностью мгновения» пишет О. Сливницкая, убедительно противопоставляя Бунина виталисту Пушкину, с его «абсолютным доверием» к жизни [Сливницкая: 243]. Бунин может утверждать любовь к жизни и в строчках о смерти, как, например, в пронзительном стихотворении «И цветы, и шмели, и трава» (1918) — о судной встрече лирического героя с Господом.

Кладбища, зримые границы между миром живых и мертвых пугали и манили писателя. По словам А. Бахраха, Бунин ненавидел «посещение кладбищ» [Бахрах: 56]. Другое свидетельство поэта приводит И. Одоевцева: «Меня всегда, как ни странно, тянуло к кладбищам...» [Одоевцева: 723]. О притягательности кладбищ для мужа вспоминала и Вера Николаевна. Так или иначе, но кладбища — частый топоним бунинских повествований, многие бунинские герои посещают кладбища, погосты. Как известно, замысел одного из лучших бунинских рассказов «Легкое дыхание» (1916), по словам самого автора, родился «во время прогулки» по кладбищу на Капри (см.: [Саакянц: 669]). С одной стороны, по словам жены, Бунин «всегда боялся покойников, никогда не ходил ни на панихиды, ни на отпевания» [Бунин, Бунина, т. 2: 383]. С другой стороны, опять же по словам жены, его сочувственно интересовали старики, люди, которым предстоял скорый уход, их «душевная жизнь» [Муромцева-Бунина: 147]. Описаний покойников у писателя много, так же много образов старик, старцев, причем нарисованных с большой симпатией, всегда в этическом противопоставлении молодым персонажам.

Возможно, именно из этого танатологического мироощущения вырос бунинский протестный миф об эфемерности или даже об отсутствии, небытии смерти, о жизни вечной, жизни-звене в бесконечной цепи рода, череде перерождений. Отзвуки этого мифа так или иначе слышны в бунинских

сочинениях, чаще всего в финалах, как, например, в заключительных строчках рассказа «Сосны» (1901):

«Отдаленный, чуть слышный гул сосен сдержанно и немолчно говорил и говорил о какой-то вечной, величавой жизни...» (206).

Находим эти отзвуки и в заключительных строчках упомянутого рассказа «Легкое дыхание», когда речь заходит о смерти героини:

«Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре» (120).

Наречие *снова* логично здесь в мифопоэтическом, но никак не в содержательном плане фразы.

Этим же мироощущением было обусловлено увлечение писателя буддизмом — учением, в основе которого лежит идея перерождения, реинкарнации. Очевидно, рассуждения Бунина о своей памяти, записанные художницей и поклонницей писателя Т. Д. Муравьевой-Логиновой, типологически восходят к буддийской памяти «Сати» (см.: [Бхиккху Бодхи]):

« — Да, я чувствую в себе всех предков своих... и дальше, дальше чувствую свою связь со "зверьем", со "зверями" — и нюх у меня, и глаза, и слух — на все — не просто человеческий, а нутряной — "звериный". Потому "по-звериному" люблю я жизнь. Все проявления ее — связан я с ней, с природой, с землей, со всем, что в ней, под ней, над ней»⁶.

И двенадцатью годами ранее он писал о своем особом чувстве жизни:

«Рождение никак не есть мое начало. Мое начало и в той непостижимой для меня тьме <...> и в моем отце, в матери, в дедах, прадедах, пращурах, ибо ведь они тоже я» [Иван Бунин, кн. 1: 384].

В «Жизни Арсеньева» близкий автору герой вспоминает, как его, малолетку, испугало выражение «мертвое тело» и годами позже возникший в его сознании вопрос:

«Почему так страшны были эти совершенно для меня новые слова? Значит, я их уже знал когда-то?» (Бунин, т. 5: 23).

⁶ Муравьева-Логина Т. Д. Живое прошлое. С. 302.

Идеи буддизма лежат в основе хрестоматийных рассказов, таких как «Братья» (1914), «Господин из Сан-Франциско» (1915), «Сны Чанга» (1916) и др. Конечно, для Бунина было болезненным осознание того, что миф о бессмертии, перерождении — всего лишь миф, игра воображения. В первых строках лирической «Розы Иерихона» (1924), написанной под впечатлением от паломничества на Святую Землю, автор утверждает, что «нет в мире смерти, нет гибели тому, что было, чем жил и дышал когда-то!» (7–8), однако в заключительных строчках он с горечью опровергает эти грезы.

Танатологическое мироощущение болезненно и по-своему опасно. «Писательство» было, по словам Ивана Алексеевича, его «единственной» радостью в жизни, но, думается, что еще чем-то бóльшим. Бунину, судя по мемуарам современников, отличало исключительное трудолюбие. Будучи уже известным писателем, он интересовался новинками, перечитывал классиков (например, Мопассана и Достоевского), подшивки старых журналов. В сердцах бросал раздражавшую его книгу, чтобы, успокоившись, снова продолжить ее чтение. Шла постоянная работа над оттачиванием мастерства. Редакторская работа над написанным занимала у него много больше времени, чем само написание. Регулярно перечитывался Лев Толстой, по свидетельству очевидца, даже за несколько часов до смерти. Эта литературная, творческая пассионарность была еще линией защиты, «потребностью выразить и продлить себя на земле» [Иван Бунин, кн. 1: 382]. Хорошо знавший писателя современник видел в его писательстве «самозащиту» от «наплыва навязчивых мыслей» [Бахрах: 56].

Потребность «продлить себя на земле» мотивировала старого, больного писателя в условиях холода и голода (дров не было, а пара картофеля была большим подарком) с рассвета до заката работать над циклом «Темные аллеи». Это преодоление обстоятельств М. Шраер объясняет желанием победить книгой в «заочной дуэли» набиравшего популярность В. Набокова, но вряд ли данное желание было первично [Шраер: 141]. В этом плане интересны размышления лирического героя, конечно, близкого самому автору, в стихотворении «Памяти» (1906–1911), в котором есть некоторые признаки

эпитафии. Называется оно не «Память», а именно «Памяти». Памяти кого? Очевидно, себя, автора. Вот финальная строфа стихотворения:

«То, что лежит в могиле, разве ты?
Разлуками, печалью был отмечен
Твой трудный путь. Теперь их нет. Кресты
Хранят лишь прах. Теперь ты мысль. Ты вечен»

(Бунин, т. 1: 262).

Исходная идея, выраженная в заключительной строке, очень важна для Бунина: тот, кто породил мысль, преодолевает прах и время, мысль обеспечивает пребывание в желанной вечности. Связь понятий «творчество–слово–вечность» заявлена во многих бунинских поэтических строках, в частности — в стихотворении «Слово» (1915):

«Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена...» (Бунин, т. 1: 287).

Об этом и другое, чуть позже написанное стихотворение, — «В горах» (1916). Время преодолевается творчеством, искусство лежит в плоскости вечности:

«Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовет. Она в моем наследстве.
Чем я богаче им, тем больше я поэт.
Я говорю себе, почуяв темный след
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:
— Нет в мире разных душ и времени в нем нет!»

(Бунин, т. 1: 316).

Стихотворение можно рассматривать как поэтическую декларацию Бунина.

Остаться после ухода — эта мысль возникала в бунинском сознании по самым разным поводам. Так, звон колокола на базилике St. Denis приводит его к размышлениям о «мудрости» жертвовать на колокол и к той же мысли:

«Тебя не будет, а твой колокол, как бы часть твоя, все будет и будет петь — сто, двести, пятьсот лет» [Бунин, Бунина, т. 2: 78].

И, по сути, о том же немного позже он скажет в прозе — в рассказе «Надписи» (1924), в дискуссионных рассуждениях явно близкого автору героя:

«...блаженные часы проходят <...> и хоть что-нибудь сохранить, то есть противопоставить смерти, отцветанию шиповника. Тут вечная, неустанная наша борьба с "рекой забвения". И что ж, разве эта борьба ничего не дает, разве она уже совсем бесплодна? Нет, тысячу раз нет» (156).

«Любовь и смерть», по мнению жены писателя, его «две главные темы» [Муромцева-Бунина: 70]. Одна тема настолько проникает в другую, что дефис здесь уместнее соединительного союза. И обе темы лежат в круге роковой предопределенности. Такое соединение есть и в подтексте бунинского суждения в одном доверительном разговоре: «Неужели вы еще не поняли, что любовь и смерть связаны неразрывно?» [Одоевцева: 696]. Эту неразрывность можно найти чуть ли не во всех бунинских произведениях. И наоборот — обнаружить что-то говорящее о перспективах счастья в творчестве этого прозаика и поэта — дело малоперспективное, хотя попытки предпринимаются (см.: [Бильк]). И причины, несомненно, лежат в плоскости бунинского миропонимания.

Бунин — мистик, добро и зло для него — силы метафизические, а люди являются бессознательными проводниками этих сил, созидających или разрушающих империи, заставляющих человека идти на жертвенный подвиг или на преступление, на самоубийство, изматывающих титанические природы в поисках власти, злата, удовольствий, подталкивающих ангельские создания к примитивным развратникам, невинных юношей — к семейным женщинам и т. д. Он акцентирует внимание на мобильности силы зла, разрушения, разобщения. Эта сила «закулисная», писатель никак ее, так сказать, «не материализует», избегает слова «рок», но именно то, что в мифологических представлениях определяется как рок, действительно в его художественном мире. Жизнь, смерть, рок как мировое зло — в пространстве этих понятий пульсировала мысль художника, подвигала к творчеству, по-своему высвечиваясь в творчестве.

В обыденном сознании, в искусстве рок и смерть часто предстают в единстве, и в бунинской партитуре на тему любви трагическая предопределенность сопровождает это чувство в движении к концу, часто к смерти. Достаточно вспомнить уже упомянутые рассказы, а еще «Грамматику любви» (1915), «Митину любовь» (1924), «Дело корнета Елагина» (1925) и т. д. Во всем цикле «Темные аллеи» (1937–1945) — а это почти четыре десятка рассказов, новелл, зарисовок — нет ни одного благополучного финала, благополучного разрешения конфликта автор «не обещает» и за пределами сюжета. Любовь-согласие в изображении Бунина — мираж, который сметается либо убийством, как в «Генрихе», либо самоубийством, как в «Кавказе», «Гале Ганской» или в «Зойке и Валерии», либо неожиданной смертью, как во «В Париже» или в «Натали», либо, что реже, третьим лицом, как в «Русе». Герои литературы, например, у Чехова, Куприна, могут ощущать себя счастливыми от некогда пережитых «чудных мгновений». Иначе у Бунина: счастливые переживания у него не оправдывают последующие страдания. Воспоминания лишь ранят его героев. Непонятно, что дало Г. Адамовичу основание сказать, что от книги «Темные аллеи» «веет счастьем» [Адамович: 65]. Художественным совершенством от них веет, но никак не счастьем. Правильнее другое суждение о Бунине, как о писателе, считавшем, что в жизни есть «лишь **воображение** радости и счастья земного бытия» [Кучеровский: 209].

И «закон красоты» у Бунина зиждется на танатологическом, эсхатологическом мировосприятии. Он не связывает какие-либо идеальные устремления с будущим. Бунин, возможно, первый европейский реалист, точнее, неореалист, который исключил художественное осмысление будущего из своего творчества и лишь пунктирно касался настоящего. Уходящие в небытие «антоновские яблоки» — это метафора, относящаяся и к авторскому пониманию прошлого, и к его эстетике. По причине своего специфического мировидения Бунин не мыслил этот мир без себя, не искал красоты в дольном, преходящем. Он жил, обернувшись в прошлое. История — вот главный герой его пространственных поэтических путевых очерков. Прекрасное он прозревал в горнем, вечном, в непреходящих красотах природы, всегда чаровавшего его звездного неба. Все это явственно

проявляется не только в стихотворениях Бунина, но и в его прозе, очень отчетливо — в упоминавшемся рассказе «Легкое дыхание». Бунин являет пример не историко-перспективного, а вневременного религиозного обращения к идеалу, в этом особенность его понимания прекрасного (подробнее см.: [Мескин]). Например, стихотворение-признание «Ночь» (1901) завершают такие строки:

«Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и тайного, как сон.
Люблю ее за счастье слиянья
В одной любви с любовью всех времен!»

(Бунин, т. 1: 390).

Природа, как и искусство, — непреходяща, не подвластна все разрушающему времени, в ней его лирический герой видит лоно божества, единство вечного и прекрасного.

О функциональной роли природы в произведениях Бунина писал еще в шестидесятые годы прошлого века В. Афанасьев, один из первых исследователей бунинского творчества в советской России [Афанасьев: 20]. Возможно, по объективным причинам он не говорит, в чем эта функциональность заключается, а заключается она в том, что в единении с гармоничной природой лирический герой Бунина и положительные герои его прозы обретают душевный покой, спасительную веру в бессмертие, ведь жизнь — это лишь «ночлег в лесу», о чем Бунин поэтично сказал в стихотворении «Ночлег» (1911):

«А ранним утром, белым и росистым,
Взмахни крылом, среди листвы шурша,
И растворишься, исчезни в небе чистом —
Вернись на родину, душа!» (Бунин, т. 1: 256).

Был Бунин верующим или неверующим — это не определяет отношения к нему как к художнику, но немало способствует пониманию бунинской эстетики. Конечно, панический страх смерти — это не по-христиански, но мысль о неизбежности перехода в мир иной приводила Бунина к вопросам религиозного порядка. Именно о себе сказал автор в «Жизни Арсеньева»:

«Когда и как приобрел я веру в Бога, понятие о Нем, ощущение Его? Думаю, что вместе с понятием о смерти» (Бунин, т. 5: 24).

И все-таки иногда о Бунине говорили и говорят, как о человеке неверующем.

Однако у Бунина нет атеистических признаний в духе Чехова: «Я человек неверующий»⁷. У современника-«учителя» христианская парадигма заявлена, пожалуй, лишь в рассказе «Студент». Нет у Бунина и богоборческих признаний, как, например, у Л. Андреева в письме писателю-современнику: «Бога я не прииму...»⁸. Эстетическая природа христианского вектора у автора «Жизни Василия Фивейского» и «Анатемы», думается, не подлежит сомнению. Подобных откровений, свидетельств кризиса религиозного сознания модернистской эпохи немало и у других очень разных художников слова, например, у А. Блока, у М. Цветаевой. Бунин носил в себе сомнения, но точно не был, как утверждала Н. Берберова, «абсолютным и закоренелым атеистом» [Берберова: 295]. Бунин выражал сомнение в том, что Бог, как простой смертный, ходил по земле, что есть загробная жизнь. Но сомнение не есть неверие.

«Надо бодриться — Господи, помоги» [Бунин, Бунина, т. 2: 360]. Таких молитвенных обращений к Богу много и в ранних, и в поздних бунинских записках, и это тоже не сообразуется с представлениями о «закоренелом атеисте». О религиозном смирении мужа говорят воспоминания Веры Николаевны. Вот, например, ее описание поведения мужа на панихиде по З. Гиппиус: «Ян усердно молился, вставал на колени» [Бунин, Бунина, т. 2: 383]. Из тех же воспоминаний следует, что его влекли дискуссии на тему загробной жизни, на другие темы, не характерные для неверующего человека. Создается впечатление, что муж своими рассуждениями-сомнениями провоцировал жену на поиски контраргументов и что это была его апофатика. Но была и эволюция религиозных убеждений. Мнение Веры Николаевны о своеобразном христианстве близкого человека, о признании Иваном Алексеевичем прежде всего человеческой природы Спасителя относятся к 1907 г.

⁷ Чехов А. П. Полн. собр. соч.: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1980. Письма. Т. 9. С. 29.

⁸ Вересаев В. Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1961. Т. 5. С. 404.

[Муромцева-Бунина: 318]. Позже, судя по дневникам периода эмиграции, это «своеобразие» нивелируется. Вера Николаевна отмечает, что за свои прошлые религиозные сомнения Иван Алексеевич «во многом раскаивается в прошлом, винит себя» [Бунин, Бунина, т. 2: 261].

Вот характерная дневниковая запись Бунина, сделанная бессонной ночью:

«Роковой день мой — уже 75-й год пойдет мне завтра. Спаси, Господи. <...> Холодная ночь, блеск синего Ориона. И скоро я никогда уже не буду этого видеть. Приговоренный к казни» [Бунин, Бунина, т. 2: 378].

Смерть для Бунина была еще страшна невозможностью видеть красоты этого мира. Таков рефрен его мемуарных записей. Причем красоты этого мира для Бунина всегда «Божьи красоты». Обратим внимание на две схожие записи, разделенные десятилетием:

«Проснулся в 4 часа, вышел на балкон — такое божественное великолепие сини неба и крупных звезд, Ориона, Сириуса, что перекрестился на них» [Бунин, Бунина, т. 2: 97].

Такое душевное движение вряд ли свойственно «закоренелым» атеистам:

«Ночью во мне пела "Лунная Соната". И подумать только, что Бог все это — самое прекрасное в мире и человеческой душе...» [Бунин, Бунина, т. 2: 234].

«Так сладок сердцу Божий мир...» — это очень бунинская строка. Равно свой талант, свою «непостижимость» писатель связывает с «божественным» в нем самом.

Но главное — христианское по духу творчество Бунина. Его художественный мир — мир христианский. Религиозны все его положительные персонажи, течение жизни определяется днями церковных праздников: на «Покров», под «Илью», под «Казанскую», на «Михайлов день» и т. д. Бунин создал ряд ярких характеров, посвятивших себя служению Богу. Пережив просветление, они отказались от комфорта в пользу христианской аскезы, всем им открылась правда о мире, осознание несправедности этой жизни и желание страдать, молиться за себя

и за людей. Таковы, например, Аглая, героиня одноименного рассказа (1916), Александр, Шаша, из рассказа «Я все молчу» (1913), Ваня из рассказа «Иоанн Рыдалец» (1913). В монастырь идет спасаться от «прыгающей козлом» современности героиня любимого автором «Чистого понедельника» (1944). Беды настоящего бунинский повествователь связывает с утратой христианской праведности, об этом очерк «Эпитафия» (1900).

Создавая другие характеры, автор всегда указывает на их негативное отношение к вере, к церкви, к Богу: один не любит службы церковные, другой не выносит света лампадок, третьему противно духовенство и т. д. Страшен Ермил (1912) — персонаж одноименного рассказа:

«Он всю жизнь полагал, что верит в Бога, но только полагал. Темная сила — другое дело...» (88).

Безбожен Дениска, персонаж повести «Деревня» (1910), которому Вуду ближе христианского Бога. Безбожен Егор, персонаж рассказа «Веселый двор» (1911), иконой прикрывавший махотку с остатками пищи и т. д. Есть такие злодеи и в рассказах «Степа» (1938), «Дурочка» (1940) и др.

Извечный критик Бунина И. Ильин заключил, что писатель «разверзает перед нами *мировой мрак*, черное, провальное естество человеческой души...» [Ильин: 76]. Это не так. Разверзая, он обличает мрак человеческой души. О «религиозных исканиях» Бунина сказано достаточно много (см., например: [Кузнецова], [Зайцев]). Е. Перова верно писала о «корневой религиозности» Бунина [Перова: 89].

Встречается и другое мнение. Отношение к христианству, по заключению Ю. Мальцева, было у Бунина «скорее эстетично, чем религиозно» [Мальцев: 94]. С этим соглашается О. А. Бердникова [Бердникова: 88]. Однако эстетство в искусстве — это, по сути, игра. Эстетизировать можно все или почти все явления жизни. Модернистское искусство нередко шокировало отказом от принятых норм морали, этики и т. д. Возвышать христианские убеждения, не имея их, — это тоже эстетическая игра. Мог ли Бунин всю жизнь, много более полувека, творить-играть, преодолевая себя? Нет, не мог.

Давно известно и многократно повторено: главное в искусстве вообще и в литературе в частности не *что* сказано, а *как*. Бунинское творчество — яркое подтверждение проверенной временем истины. Картины жизни, созданные этим художником слова, как правило, печальны, многие его герои обуреваемы разрушительными страстями, и все это дается в свете явной или скрытой смертности. При всем при этом произведения Бунина не порождают духа уныния, упадничества, напротив, повышают чувство жизни. Духовное и нравственное очищение, которое испытывают читатели Бунина и которое называют катарсисом, объясняется художественным совершенством его творений. Здесь гармония стиля как бы затмевает дисгармонию быта. Это очищение связано с бунинским зиждательным описанием вечной природы, говоря строкой Ф. Тютчева, «жизнь природы там слышна», а также наличием и действенностью христианской парадигмы, гармонирующей с этим описанием.

Список литературы

1. Адамович Г. В. По поводу «Темных аллей» // Адамович Г. В. Одиночество и свобода: литературно-критические статьи. СПб.: Logos, 1993. С. 64–66.
2. Афанасьев В. И. А. Бунин. М.: Знание, 1970. 45 с.
3. Бахрах А. Бунин в халате. По памяти, по записям. Bayville (N. J.): Товарищество зарубежных писателей, 1979. 176 с.
4. Берберова Н. Курсив мой. Нью-Йорк: Russica, 1983. 380 с.
5. Бердникова О. А. Личность творца в книге И. А. Бунина «Освобождение Толстого» // Царственная свобода. О творчестве И. А. Бунина: к 125-летию со дня рождения писателя: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: ВГУ, 1995. С. 77–96.
6. Билык М. «Нет смерти для того, кто любит жизнь...» (тема смерти в «крымских» произведениях Бунина) // Культура народов Причерноморья. 2004. № 52. Т. 1. С. 68–71 [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/33223/15-Bilyk.pdf?sequence=1> (15.05.2022).
7. Бунин И. А., Бунина В. Н. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 2 т. М.: Посев, 2005. Т. 1. 303 с.; Т. 2. 431 с.
8. Бхиккху Бодхи. Значение «Сати». 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theravada.ru/Teaching/Works/znacheniyе-sati-sv.htm> (15.05.2022).
9. Зайцев К. И. А. Бунин. Жизнь и творчество. Берлин: Парабола, 1934. 277 с.
10. Иван Бунин: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1. 696 с.; Кн. 2. 549 с. (Сер.: Литературное наследство; т. 84.)

11. Ильин И. И. Бунин // Ильин И. А. О тьме и просветлении: книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. Мюнхен: Тип. Обители преп. Иова Почаевского, 1959. 202 с.
12. Кузнецова Г. Грасский дневник. М.: Московский рабочий, 1995. 410 с.
13. Кучеровский Н. М. И. Бунин и его проза (1887–1917). Тула: Приок. кн. изд-во, 1980. 319 с.
14. Мальцев Ю. Иван Бунин: 1870–1953. М.: Посев, 1994. 432 с.
15. Мескин В. А. История русской литературы «Серебряного века». М.: Юрайт, 2016. 384 с.
16. Михеичева Е. А. Мотив воскрешения в творчестве Леонида Андреева // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 1. С. 68–79 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1488808196.pdf (15.05.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4201
17. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Сов. писатель, 1989. 510 с.
18. Одоевцева И. В. На берегах Невы. На берегах Сены. М.: АСТ: Астрель, 2011. 798 с.
19. Перова Е. Ю. Особенности поэтики новеллы «Холодная осень» в контексте мировосприятия И. А. Бунина // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 86–90.
20. Саакянц А. Комментарии // Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 4. С. 643–699.
21. Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 270 с.
22. Шраер М. Бунин и Набоков. История соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 222 с.

References

1. Adamovich G. V. On “The Dark Avenues”. In: *Adamovich G. V. Odinochestvo i svoboda: literaturno-kriticheskie stat'i* [Adamovich G. V. *Loneliness and Freedom: Literary and Critical Articles*]. St. Petersburg, Logos Publ., 1993. p. 64–66. (In Russ.)
2. Afanasev V. I. A. *Bunin*. Moscow, Znanie Publ., 1970. 45 p. (In Russ.)
3. Bakhrakh A. *Bunin v khalate. Po pamyati, po zapisyam* [Bunin in House Robe. By Memory, by Notes]. Bayville, New Jersey, Tovarishestvo zarubezhnykh pisateley Publ., 1979. 176 p. (In Russ.)
4. Berberova N. *Kursiv moy* [The Italics Are Mine]. New York, Russica Publ., 1983. 380 p. (In Russ.)
5. Berdnikova O. A. The Personality of the Creator in the Book by I. A. Bunin “The Liberation of Tolstoy”. In: *Tsarstvennaya svoboda. O tvorchestve I. A. Bunina: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Royal Freedom. On the Works of I. A. Bunin: to the 125th Anniversa-

- ry of the Birth of the Writer: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1995, pp. 77–96. (In Russ.)
6. Bilyk M. “There is no Death for Someone Who Loves Life...” (the Theme of Death in Bunin’s “Crimean” Works). In: *Kul’tura narodov Prichernomor’ya* [Culture of the Peoples of the Black Sea Region], 2004, no. 52, vol. 1, pp. 68–71. Available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/33223/15-Bilyk.pdf?sequence=1> (accessed on May 15, 2022). (In Russ.)
  7. Bunin I. A., Bunina V. N. *Ustami Buninykh. Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i druge arkhivnye materialy: v 2 tomakh* [As Spoken by the Bunins. The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and Other Archive Materials: in 2 Vols]. Moscow, Posev Publ., 2005, vol. 1. 303 p.; vol. 2. 431 p. (In Russ.)
  8. Bhikkhu Bodhi. *Znachenie “Sati”* [The Meaning of “Sati”], 2011. Available at: <http://www.theravada.ru/Teaching/Works/znacheniyе-sati-sv.htm> (accessed on May 15, 2022). (In Russ.)
  9. Zaytsev K. I. A. *Bunin. Zhizn’ i tvorchestvo* [I. A. Bunin. Life and Works]. Berlin, Parabola Publ., 1934. 277 p. (In Russ.)
  10. *Ivan Bunin: v 2 knigakh* [Ivan Bunin: in 2 Books]. Moscow, Nauka Publ., 1973, book 1. 696 p.; book 2. 549 p. (Ser.: Literary Heritage; vol. 84.) (In Russ.)
  11. Il’in I. I. Bunin. In: *Il’in I. A. O t’me i prosvetlenii* [Ilyin I. A. About Darkness and Enlightenment]. Munich, Tipografiya Obiteli prepodobnogo Iova Pochevskogo Publ., 1959. 202 p. (In Russ.)
  12. Kuznetsova G. *Grasskiy dnevnik* [Diary of Grasse]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1995. 410 p. (In Russ.)
  13. Kucherovskiy N. M. *I. Bunin i ego proza (1887–1917)* [I. Bunin and His Prose (1887–1917)]. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1980. 319 p. (In Russ.)
  14. Mal’tsev Yu. *Ivan Bunin*. Moscow, Posev Publ., 1994. 432 p. (In Russ.)
  15. Meskin V. A. *Istoriya russkoy literatury “Serebryanogo veka”* [The History of Russian Literature of the “Silver Age”]. M.: Yurayt Publ., 2016. 384 p. (In Russ.)
  16. Mikheicheva E. A. Resurrection Motif in the Works of Leonid Andreev. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2017, vol. 15, no. 1, pp. 68–79. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1488808196.pdf (accessed on May 15, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4201 (In Russ.)
  17. Muromtseva-Bunina V. N. *Zhizn’ Bunina. Besedy s pamyat’yu* [Bunin’s Life. Conversations with Memory]. Moscow, Sovetskiiy pisatel’ Publ., 1989. 510 p. (In Russ.)
  18. Odoevtseva I. *Na beregakh Nevy. Na beregakh Seny* [On the Banks of the Neva. On the Banks of the Seine]. Moscow, AST Publ., Astrel’ Publ., 2011. 798 p. (In Russ.)
  19. Perova E. Features of the Poetics of the Novel “Cold Autumn” in the Context of I. A. Bunin’s Worldview. In: *Tvorchestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiya, istochnikovedenie, tekstologiya)* [Works of I. A. Bunin in the Historical and Literary Context (Biography, Source Study, Textual Criticism)]. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 86–90. (In Russ.)
  20. Saakyants A. Comments. In: *Bunin I. A. Sobranie sochineniy: v 6 tomakh* [Bunin I. A. Collected Works: in 6 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988, vol. 4, pp. 643–699. (In Russ.)

21. Slivitskaya O. "Povyshennoe chuvstvo zhizni": mir Ivana Bunina ["Intense Sense of Life": the World of Ivan Bunin]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 2004. 270 p. (In Russ.)
22. Shrayer M. *Bunin i Nabokov. Istoriya sopernichestva* [Bunin and Nabokov. History of Rivalry]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2015. 222 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мескин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов (ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2, г. Москва, Российская Федерация, 117198); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2260-8060>; e-mail: vameskin@yandex.ru

Vladimir A. Meskin, PhD (Philology), Professor, the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (ul. Miklukho-Maklaya 10/2, Moscow, 117198, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2260-8060>; e-mail: vameskin@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 26.05.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.09.2022

Принята к публикации / Accepted 31.10.2022

Дата публикации / Date of publication 21.11.2022